

Дзёдзи Идзуми смог перевести дух лишь три месяца спустя. Он собирался навестить могилу сразу же, как только утихнет первая буря, но изнуряющее умственное напряжение и физическое истощение нанесли двойной удар — Дзёдзи свалился с тяжелейшим гриппом.

В тот же день у него подскочила температура. Ватару Датэ на руках притащил его в полицейский госпиталь, где Дзёдзи несколько дней пролежал под капельницами, прежде чем окончательно прийти в себя.

На кладбище гулял холодный, пронизывающий ветер. В тишине погоста Дзёдзи медленно шёл среди рядов надгробий, прижимая к груди букет фиолетовых ирисов. Он направлялся туда, где упокоилась оборвавшаяся так рано молодая жизнь.

— Мацуда? — Дзёдзи остановился.

Дзинпэй Мацуда сидел прямо на земле перед плитой Кэндзи Хагивары, небрежно подогнув под себя ноги. Вокруг него на сухой траве сиротливо ютились многочисленные окурки. Судя по всему, он торчал здесь уже не первый час.

— А, сэмпай Идзуми, это вы, — Дзинпэй поднялся, держа в пальцах почти догоревшую сигарету. Он не снял солнцезащитные очки, но Дзёдзи сверху вниз всё равно заметил глубокие тени, залёгшие под его глазами. Похоже, сон давно обходил Мацуду стороной.

— Не обращайтесь на меня внимания, устраивайтесь, — Дзинпэй немного подвинулся, освобождая место перед плитой, и, видя, что Дзёдзи медлит, дружески похлопал ладонью по жухлой земле рядом с собой: — Присядете, сэмпай?

Голос его звучал так просто и буднично, что, не будь они на кладбище, это приглашение можно было бы принять за встречу в баре.

Дзёдзи секунду помешкал, но не стал раздумывать долго. Он бережно опустил фиолетовые ирисы к подножию надгробия и опустился на землю рядом, скрестив ноги точно так же, как Мацуда.

Они замолчали. Дзёдзи всматривался в портрет на могильном камне. С овального фотокерамического снимка на него лучезарно улыбался юноша в синей полицейской форме — воплощение молодой, безудержной силы. Эту фотографию сделали на выпуске из академии. С тех пор не прошло и полугода.

— Сэмпай, — нарушил тишину Мацуда. Тот прикусил губами потухшую сигарету и указал подбородком на букет: — Почему именно ирисы?

— Я думал, вы принесёте белые хризантемы, гладиолусы или какую-нибудь гортензию, — протянул Дзинпэй, не дожидаясь ответа. — Хотя... если бы Хаги выбирал сам, ему бы точно

больше понравился ваш букет. Нет, даже так: он был бы от него в восторге.

— Ирис по-латыни — Iris, на греческом это значит «радуга», — Дзёдзи мягким движением вытянул сигарету из губ Мацуды. — Иридой звали древнегреческую богиню радуги. Вестница олимпийцев, она спускалась к людям и уводила чистые, добрые души по радужному мосту прямо в чертоги небес.

— В небесные чертоги, значит... — Мацуда опустил взгляд, тихо смакуя эти слова. — Что ж, справедливо. Пусть Хаги и казался порой безалаберным, но он точно заслужил тёплое местечко в раю.

Дзёдзи промолчал. Он терпеливо ждал, пока собеседник сам захочет выговориться. Навязанное сочувствие лишь заставило бы Мацуду выстроить глухую оборону. Только если Дзинпэй сам приоткроет душу, можно будет понять, что творится у него внутри. Дешёвая жалость здесь не помогла бы.

— Знаете, сэмпай... — Мацуда уставился на свои ладони, лежащие на коленях. — За эти три месяца староста Датэ приходил ко мне бесчисленное количество раз. Но каждый раз всё заканчивалось неловким молчанием — мы просто сидели и смотрели друг на друга. Перед лицом смерти любые слова теряют вес. Горсть сырой земли надёжно хоронит под собой и мертвеца, и тоску тех, кто остался на этом берегу.

Дзинпэй был бесконечно благодарен друзьям, но совершенно не понимал, как выразить то, что с ним происходит. Сестра Хаги, Тихая, исходила криком от невыносимой боли, а он... он со стороны казался пугающе спокойным.

«Неужели Хаги действительно умер?» — этот вопрос пульсировал в его голове весь первый месяц. Коллеги смотрели на него полными сочувствия глазами, бормотали дежурные соболезнования... Но Дзинпэй смотрел на улыбающееся лицо друга на снимке и чувствовал лишь удушающую нелепость происходящего. Ты правда мёртв?

Этот вопрос кружил в мыслях белой птицей, пока в один прекрасный день с глухим стуком не врезался в невидимую стену. Окровавленный ком перьев рухнул вниз, и только тогда до Мацуды наконец дошло. Кэндзи Хагивара — друг детства, с которым они были неразлучны с начальной школы, — мёртв. Насовсем.

— На днях я забрал у сестры Хаги его сим-карту, — невпопад произнёс Мацуда. — Вы ведь не знакомы с Тихаей-сестрой? Она невероятно похожа на брата. Точно копия.

Он достал из кармана телефон, разблокировал экран и протянул Дзёдзи. На дисплее светилась старая фотография с выпуска. Красивая девушка со светлыми волосами стояла между Дзинпэем и Кэндзи. Сходство действительно поражало: те же черты лица, те же искры безудержного жизнелюбия во взгляде. Сразу видно — родная кровь.

— Сэмпай, вы тоже пришли, чтобы сказать мне держать себя в руках и принять утрату? — Мацуда закинул голову назад, подставляя лицо порывам ветра. — Если так, то увольте. Я уже сыт этим по горло.

— Я понимаю, Дзинпэй, как тебе тяжело, но...

Мацуда поднял ладонь, мягко прерывая его.

— Мимо, — Дзинпэй негромко усмехнулся, заметив, как на лице Дзёдзи промелькнуло мимолётное замешательство.

Его улыбка вышла безвесой, точно облако.

— Совершенно мимо, сэмпай.

— Дело не в том, что я не могу смириться, — он поднялся на ноги и принялся отряхивать джинсы от налипшей сухой травы, попутно протянув руку Дзёдзи, чтобы помочь подняться. — Я просто... всё ещё не осознал.

В ушах Дзинпэя снова зазвучал далёкий, ставший призраком голос друга:

"Если я однажды погибну, ты уж отомсти за меня, ладно?"

— «Главное — не исцеление, а способность жить дальше, не замечая своей болезни». — Мацуда открыто посмотрел на Дзёдзи. — Вы ведь сами так когда-то говорили, сэмпай Идзуми?

И в этот миг над Токио наконец разразилась гроза — тучи, собиравшиеся всё утро, хлынули на землю сплошной стеной дождя.

С того дня Дзинпэй Мацуда загорелся идеей перевестись в Первый следственный отдел. Сначала он пошёл напрямую к своему начальнику, господину Уэде, но тот наотрез отказался подписывать рапорт. Получив жёсткий отказ, Дзинпэй не придумал ничего лучше, как отправиться к Дзёдзи Идзуми.

— Сэмпай Идзуми, вы ведь сами раньше звали меня к себе в отдел? — Мацуда бесцеремонно подкараулил его прямо у входа в кабинет. Если бы дежуривший в коридоре Уэно Мацусима не знал дерзкого взрывотехника в лицо, дежурные полицейские точно скрутили бы наглеца, решившего устроить засаду на суперинтенданта прямо в коридоре Кэйситё.

— Заходи уже, Дзинпэй, — вздохнул Дзёдзи, оценив его воинственный настрой, и шире распахнул дверь, впуская парня в кабинет.

Оказавшись внутри, Мацуда на секунду онемел, уставившись на монументальные барханы бумаг на столе Дзёдзи. Опомнившись, он плюхнулся на стул и сразу перешёл к делу:

— Мой рапорт отклонили. Шестой раз подряд, представляете? — Дзинпэй хмуро уставился в пространство. В ту же секунду ему в руки прилетела пачка печенья в форме медвежат.

— Господин Уэда заботится о тебе, — Дзёдзи поставил перед гостем чашку свежесваренного чёрного чая. — Ты и сам прекрасно понимаешь, в каком ты сейчас состоянии.

Он сделал глоток, тут же обжёг кончик языка и торопливо вернул чашку на блюдце.

— Тебе нужно выдохнуть, Дзинпэй. Я присмотрю за вакансиями в Первом следственном отделе, но если ты сейчас загонишь себя в могилу, легче никому не станет.

— Знаю я... — проворчал Мацуда, гипнотизируя взглядом тёмную гладь чая. Всё он понимал. И всё же...

— Ладно, ваша правда. Сделаю перерыв.

Он резко поднялся, схватил чашку, решительно опрокинул её в себя и, предсказуемо зашипев от боли, схватился за обожжённое горло:

— Ай, чёрт, горячо!

Проводив взглядом поспешно ретировавшегося Дзинпэя, Дзёдзи с облегчением выдохнул. Он устало потёр переносицу и опустился обратно в кресло. Слава богу, у этого упрямца хватило ума постучать перед тем, как ломиться в кабинет, — иначе Дзёдзи просто не успел бы спрятать бумаги со стола.

Обычный отчёт скрывал под собой несколько распечатанных фотографий. Окажись Мацуда чуть более глазастым, он мгновенно узнал бы запечатлённых на них парней — его бывших однокашников по академии, бесследно пропавших с радаров несколько месяцев назад.

«Этот подрывник действительно кость в горле», — Дзёдзи помрачнел. Обезличенный, неуловимый преступник превратился в их личный кошмар. В отсутствие хоть каких-то зацепок следствие зашло в глухой тупик.

«Этот ублюдок прекрасно знает район, — думал Дзёдзи, гипнотизируя мерцающий монитор. — Иначе он не смог бы так ювелирно обойти все уличные камеры».

Поиски затянулись, ценное время неумолимо утекало сквозь пальцы. Перед глазами Дзёдзи снова и снова всплывал образ Кэндзи Хагивары в ту роковую ночь. Ничтожно мало улик, колоссальные человеческие ресурсы, уходящие в никуда, и месяцы пустого ожидания. Найти преступника сейчас казалось невыполнимой задачей — всё равно что искать иголку в стоге сена. Дзёдзи в сотый раз запустил воспроизведение единственной короткой записи, где промелькнул смазанный силуэт подрывника.

Но ни Мацуда, ни Дзёдзи, ни староста Датэ даже не думали опускать руки. Они молча несли этот груз, упрямо веря, что рано или поздно выследят мразь и заставят её ответить по закону.

С того дня Дзинпэй повадился шастать в Первый следственный отдел при первой же возможности. Датэ, заходя к Дзёдзи по делам, регулярно заставлял одну и ту же картину: суперинтендант Идзуми, утопающий в горах отчётов, и развалившийся на гостевом диване Мацуда, лениво жуящий печенье-медвежат вприкуску с хозяйским чаем.

— Мацуда, ты опять тут околачиваешься? — беззлобно ворчал Датэ и без лишних церемоний выхватывал у него последнюю печенку.

— Я сам его позвал, — поспешно заступался за парня Дзёдзи. — У Дзинпэя как раз отгулы, вот я и припряг его к бумажной работе.

Уэно Мацусима, заходя с очередным докладом, лишь молча кривил губы, заведя эту троицу. Взрывотехник Мацуда примелькался в Первом следственном отделе настолько, что его уже всерьёз подумывали внести в штатное расписание. Он проводил здесь едва ли не больше времени, чем на собственной базе, и оперативники давно перестали обращать внимание на кудрявую макушку, маячившую в кабинете шефа.

Начальник Отдела по обезвреживанию взрывных устройств, старик Уэда, сквозь пальцы смотрел на отлучки подчинённого — разумеется, пока те не мешали службе. Он слишком хорошо знал, что Дзинпэй одержим поимкой неуловимого подрывника. А когда по Кэйситё поползли слухи, что Первый отдел из года в год получает издевательские открытки с обратным отчётом, Мацуда и вовсе прописался у убийщиков.

В конце концов, упорство Дзинпэя принесло плоды. Рапорт о переводе был подписан — долгих четыре года спустя после гибели Кэндзи Хагивары.

На седьмой день службы в Первом отделе в Кэйситё пришёл новый зашифрованный факс от подрывника. Разгадав зловещую шараду, Мацуда вместе с напарницей, Мивако Сато, рванул к указанному месту — колесу обозрения.

Дзёдзи Идзуми в тот роковой день находился в командировке в другой префектуре. Позже это событие станет вторым по счёту величайшим сожалением в его жизни.

Дзинпэй убрал отвёртку от электронной платы. Таймер неумолимо отсчитывал последние секунды. Внутри было на удивление пусто и спокойно — лишь лёгкая, светлая грусть.

"Прости, Хаги. Похоже, поквитаться с этим ублюдком у меня уже не выйдет"

Мацуда дождался, пока на дисплее высветится подсказка со вторым адресом, и торопливо отправил СМС-сообщение в штаб. Заряда аккумулятора едва хватало на это последнее действие, но если бы он захотел, у него осталось бы ещё несколько секунд, чтобы набрать короткое прощание для Дзёдзи. Однако Дзинпэй решил промолчать. Он слишком хорошо знал, насколько тяжела ноша чужой смерти, и меньше всего желал обрекать на эти муки сэмпая. Четырёх лет бесцельной тоски было более чем достаточно.

Вспышка ослепительно белого света разорвала кабину колеса обозрения. Грохот взрыва эхом покатился по Токио, унося к небу лепестки пламени.

Сержант Дзинпэй Мацуда погиб при исполнении служебного долга.

«Неужели ты чувствовал то же самое, Дзинпэй?» — безмолвно спрашивал Дзёдзи, стоя у края свежей могилы в траурном чёрном костюме. Он смотрел, как дрожащие руки отца Мацуды опускают в землю небольшой деревянный ящичек. Как и в случае с Кэндзи, хоронить было нечего — под могильной плитой упокоился лишь латунный значок с пятилепестковой полицейской сакурой.

В отличие от похорон Хагивары, в этот раз небо затянуло глухой свинцовой пеленой ещё в разгар траурной церемонии. Без всякого предупреждения хлынул холодный, проливной дождь.

Но никто не сдвинулся с места. Вода стекала по лицам присутствующих, смешиваясь со слезами. Дзёдзи заворожённо смотрел на овальный портрет. В отличие от улыбающегося Кэндзи, родные Мацуды выбрали строгое официальное фото в костюме. Но даже сквозь парадный лоск пробивался тот самый упрямый, насмешливый прищур. Дзёдзи на мгновение показалось, что Дзинпэй сейчас лениво махнет ему рукой и скажет своим привычным хрипловатым голосом: «Сэмпай Идзуми».

Ощущение было пугающе странным. Он чувствовал ободряющую ладонь Датэ на своём плече, слышал глухие рыдания матери Мацуды, но всё это доносилось словно сквозь толщу воды. Весь мир вокруг превратился в размытое, блёклое пятно, а внутри не осталось ничего, кроме звянящей пустоты.

— Сэмпай Идзуми... я знаю, как вам тяжело, — тихо проговорил Датэ. Голос его дрожал. Осунувшийся, с покрасневшими от лопнувших сосудов глазами, староста выглядел тенью самого себя. Смерть ещё одного близкого друга подкосила его.

— Нет, Датэ. Ты ошибаешься, — прошептал Дзёдзи.

Перед глазами пронёсся их разговор с Мацудой у этой самой могилы четыре года назад. Так вот что испытывал тогда Дзинпэй...

— Я просто... ещё не осознал.

Он закинул голову к небу, подставляя лицо ледяным каплям, и медленно закрыл глаза.

В голове шумело так, словно там три дня и три ночи топталось стадо диких горилл. Дзёдзи с трудом разлепил веки. В глаза ударил стерильно-белый свет потолка, а резкий запах хлорки и медикаментов без слов подсказал, где он находится. Больничная палата.

— Сэмпай Идзуми! — над ним склонилось лицо Кэндзи Хагивары. Знакомый красавчик выглядел помятым, а в уголке его губ темнел свежий синяк.

Дзёдзи беззвучно приоткрыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Сознание всё ещё цеплялось за серые кладбищенские плиты и холодные струи дождя, отказываясь верить в происходящее.

— О, сэмпай, вы очнулись? — в палату осторожно вошёл Дзинпэй Мацуда, бережно неся в руках глубокую пиалу с горячей рисовой кашей. — Староста ушёл на пост оплатить счета, скоро вернётся. Вы как? Хотите немного...

Он осёкся на полуслове, уставившись на Дзёдзи.

Хагивара растерянно заморгал, заметив, как по виску Дзёдзи покатилась одинокая слеза. Жизнерадостный парень мигом растерял всю свою спесь, не зная, куда себя деть от неловкости.

— С возвращением, — прошептал Дзёдзи. На его губах заиграла привычная мягкая улыбка, хотя взгляд оставался затуманенным. Он медленно, словно пробуя имена на вкус, произнёс: — Кэндзи... Дзинпэй.

Мацуда и Хагивара переглянулись в гробовом молчании.

— Слышь, Хаги, какой коновал уверял нас, что у сэмпая спал жар? — Мацуда сердито свёл брови к переносице, покрепче перехватывая пиалу. — Он же бредит среди бела дня!